

Научная статья
УДК 316.334.56
doi: 10.17223/1998863X/85/24

ТРАНССТРУКТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДА: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Владимир Денисович Кузьмин

*Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН,
Институт социологии, Москва, Россия, nothingtohave88@gmail.com*

Аннотация. В статье-реплике на работу И.А. Савченко «Дискурсивная урбанистика: поиск метода» анализируются преимущества и спорные элементы трансструктурного метода, предложенного И.А. Савченко в качестве инструмента изучения городских сообществ. Подчеркиваются очевидные достоинства метода: междисциплинарная интеграция знаний о городе, применимость для описания нелинейных трансформаций мегаполисов, эффективность метода для фиксации латентных «точек напряженности» и прогнозирования изменений в городских сообществах. В то же время отмечается свойственная методу чрезмерная метафоризация. Обсуждаются границы применимости подхода для различных типов городов. Ставится вопрос о том, насколько метод эффективен для ответа на социальные вызовы современности, такие как цифровое неравенство и джентрификация.

Ключевые слова: трансструктурный подход, гуманитарная аналитика, урбанистика, джентрификация, цифровое неравенство

Благодарность: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 23-18-00288 «Дискурсивные трансформации современного города: координаты российской урбанистики» (<https://rscf.ru/project/23-18-00288/>).

Для цитирования: Кузьмин В.Д. Трансструктурные исследования города: критический анализ // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 85. С. 271–278. doi: 10.17223/1998863X/85/24

Original article

TRANSSTRUCTURAL URBAN STUDIES: A CRITICAL ANALYSIS

Vladimir D. Kuzmin

*Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, nothingtohave88@gmail.com*

Abstract. The article replying to Irina Savchenko’s “Discursive Urbanism: Method Search” analyzes the advantages and controversial elements of the transstructural method Savchenko proposed as a tool for studying urban communities. The obvious advantages of the method are emphasized: interdisciplinary integration of knowledge about the city, applicability for describing nonlinear transformations of megacities, effectiveness of the method for fixing latent “tension points” and forecasting changes in urban communities. At the same time, the excessive metaphORIZATION characteristic of the method is noted. The limits of the applicability of the approach for different types of cities are discussed. The question is raised as to how effective the method is for responding to modern social challenges such as digital inequality and gentrification.

Keywords: transstructural approach, humanitarian analytics, urban studies, gentrification, digital inequality

Acknowledgments: The study was supported by the Russian Science Foundation (Project No. 23-18-00288 Discursive Transformations of the Modern City: Coordinates of Russian Urban Studies: <https://rscf.ru/project/23-18-00288/>).

For citation: Kuzmin, V.D. (2025) Transstructural urban studies: a critical analysis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 85. pp. 272–278. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/85/24

В статье «Дискурсивная урбанистика: поиск метода» Ирина Савченко продолжает формировать современную методологию изучения города, акцентируя внимание на интеграции когнитивно-коммуникативных и пространственно-временных векторов в «системе координат» современной урбанистики [1]. В рамках этой модели ключевую роль играет трансструктурный метод, который демонстрирует высокую эффективность при анализе функционирования агломераций, позволяя выявлять скрытые сложности их пространственно-дискурсивной организации.

Трансструктурный метод представляет собой попытку преодолеть ограничения традиционных структурных и системных подходов к изучению города. В отличие от классических моделей, рассматривающих город либо как статичное образование, либо как динамическую целостность, трансструктурный метод направлен на выявление и описание сложных взаимосвязей между различными уровнями («нагромождениями») городской организации. Такой подход исходит из положения, что современный город не может быть адекватно понят исключительно сквозь призму его физической или функциональной структуры.

Применение трансструктурного метода требует переосмысления традиционных понятий и категорий урбанистики. Например, такие понятия, как «центр» и «периферия», в рамках этого подхода утрачивают свою статичность и приобретают динамическое измерение. Центр перестает быть исключительно географической категорией и становится понятием, описывающим узлы максимальной интенсивности когнитивных и коммуникативных процессов. Периферия, в свою очередь, рассматривается не как отдаленная часть городской структуры, а как пространство потенциального роста и трансформации. Таким образом, трансструктурный метод позволяет описывать городскую среду как сложную сеть взаимосвязей, в которой физическое пространство «измеряется», помимо прочих, когнитивными и коммуникативными единицами измерения.

И.А. Савченко справедливо отмечает, что трансструктурный подход позволяет выйти за пределы традиционных моделей, предлагая более гибкий и многослойный инструмент анализа. Однако, несмотря на очевидные преимущества этого подхода, некоторые его аспекты вызывают вопросы и требуют уточнения.

Так, можно согласиться с утверждением И.А. Савченко, что город действительно представляет собой многослойную систему, где физическая структура тесно переплетена с дискурсивными и социальными процессами [2]. Применение топологии для описания таких сложных систем кажется удачным решением, поскольку она позволяет моделировать как внутренние

напряжения, так и взаимодействия между различными «пластами» городской среды. Однако использование топологических аналогий, таких как «шарик в бублике», является пусть и наглядным, но слишком упрощенным для описания реальных процессов в сложных агломерациях. Например, в случае Москвы или других мегаполисов глобального масштаба структура города часто выходит за рамки даже самых сложных геометрических моделей, так как она включает не только физические пространства, но и виртуальные сети, экономические потоки и культурные взаимодействия, которые сложно представить в виде топологических фигур.

Вызывает интерес и идея Ирины Савченко о «точках наивысшего напряжения», которые можно выявить с помощью трансструктурного подхода. Безусловно, такие точки – это важные узлы городской системы, где пересекаются ключевые потоки и процессы. Однако вопрос заключается в том, насколько применим трансструктурный метод для предиктивного анализа изменений в этих точках. Городские системы характеризуются высокой степенью неопределенности и нелинейности, что делает любые прогнозы чрезвычайно сложными.

Заслуживает внимания утверждение И.А. Савченко, что трансструктурный подход является основой для конвергенции социально-гуманитарных, естественных и технических наук. Это действительно перспективная идея: современный город требует междисциплинарного подхода для своего изучения. Однако возникает вопрос о границах этой конвергенции: насколько далеко можно зайти в интеграции методов различных областей знаний? Например, заимствование понятий из геологии или архитектуры обогащает урбанистику новыми метафорами и инструментами анализа, но важно помнить и о риске чрезмерной метафоризации, когда реальные процессы подменяются аналогиями.

Наконец, следует обсудить дихотомию «разломов» и «взаимосвязей», которую И.А. Савченко выделяет как ключевую характеристику трансструктурного подхода. С одной стороны, такая дихотомия действительно отражает сложность городской среды, где сосуществуют как фрагментация, так и интеграция. С другой стороны, возникает вопрос о том, насколько продуктивно рассматривать эти процессы в рамках одной модели. Возможно, более эффективным было бы разделение анализа на два уровня: один – для изучения разрывов и конфликтов (например, социальных или пространственных), а другой – для исследования механизмов их преодоления.

Нельзя не согласиться с мнением И.А. Савченко, что цифровой переход действительно меняет восприятие центра и периферии в городе, создавая новые возможности, но одновременно обостряя старые проблемы неравенства. Эффекты джентрификации и цифрового неравенства подчеркивают необходимость комплексного подхода к урбанистической политике.

Убежденность Ирины Савченко в том, что современный человек не понимает «механизм действия» города, заслуживает внимания. Город как сложная система становится все более непрозрачным для его обитателей. Виртуализация взаимодействий, переход значительной части городской жизни в цифровую плоскость и фрагментация пространства создают эффект отчуждения между человеком и городской средой. Однако я бы не стал сводить это отчуждение исключительно к технологическим или дискурсивным барьерам.

Важно учитывать, что восприятие города во все эпохи было субъективным и зависело исключительно от социальных, культурных и исторических контекстов. То, что сегодня кажется нам фрагментацией и лакунарностью, может быть просто новой формой адаптации человека к изменяющимся условиям. Возможно, вместо того чтобы рассматривать эту ситуацию как проблему, стоит изучать ее как новую норму городской жизни.

Интересна также мысль И.А. Савченко о дискурсивной замкнутости городских пространств. Сравнение с алгебраической топологией, где проникновение внутрь тора или сферы невозможно, является метафорой, которая удачно подчеркивает барьеры доступа к определенным зонам городской среды. Однако здесь возникает вопрос: действительно ли эти барьеры столь непреодолимы? Такие современные технологии, как цифровые платформы и приложения, часто служат инструментами для преодоления подобных ограничений. Например, те же «Госуслуги», которые автор упоминает в контексте исключения человеческого фактора, на самом деле могут рассматриваться как способ расширения доступа к важным услугам для широких слоев населения. Конечно, это не отменяет проблем, связанных с деперсонализацией взаимодействий, но игнорировать позитивные аспекты таких сравнительно новых инструментов было бы неправильно.

Особого внимания заслуживает обсуждение джентрификации и ее роли в сегрегации городского пространства. Автор справедливо указывает на то, что джентрификация создает дихотомию центр/периферия и способствует тиражированию определенных образцов городской среды. Однако я бы добавил, что джентрификация – это не только процесс сегрегации, но и механизм культурного обмена. Она способна приводить к созданию новых форм жизни и взаимодействий, которые пусть и порождают конфликты, но также способствуют обновлению городской ткани. Вопрос заключается в том, насколько формируемая И.А. Савченко социогуманитарная аналитика [3] способна оценивать эти процессы с учетом их противоречивой природы.

И.А. Савченко подчеркивает (и с этим трудно не согласиться), что цифровой переход актуализирует нравственные противоречия в городской среде. Использование технологий для создания «более человеческого города» через эксплуатацию машин или мигрантов действительно вызывает вопросы о социальной справедливости и устойчивости таких моделей развития. Тем не менее я полагаю, что гуманитарная аналитика должна не только фиксировать эти противоречия, но и предлагать пути их разрешения. Например, можно исследовать способы интеграции мигрантов в городскую жизнь таким образом, чтобы они становились полноценными участниками городского дискурса, а не оставались лишь инструментами для достижения комфорта другими людьми.

Заостренная И.А. Савченко проблема деантропологизации субъекта коммуникации в условиях виртуализации также требует более детального рассмотрения. Автор справедливо указывает на стирание границ между реальным человеком и его цифровой симуляцией, что действительно становится вызовом для современной антропологии. Однако вместо того чтобы рассматривать этот вызов как угрозу, можно интерпретировать его как возможность расширения человеческого опыта. Виртуальные пространства и цифровые технологии предоставляют человеку новые способы самореализа-

ции, коммуникации и взаимодействия с миром. Вместо обсуждения утраты коммуникацией ее антропологической сущности мы можем говорить о коммуникативных трансформациях условиях цифровой эпохи. Данный аспект, на мой взгляд, не означает отказ от «человеческого», а, скорее, поиск новых форм его выражения.

Интересным является сопоставление дискурсивной системы «цифрового города» с пространственными структурами средневекового города. И.А. Савченко отмечает, что в современном городском пространстве социальное перетекает в символическое, а реальное – в виртуальное. Однако утверждение о том, что это явление было характерно и для средневекового города, вызывает вопросы. Средневековый город действительно был насыщен символикой, однако его структура была значительно более фиксированной и стратифицированной по сравнению с динамикой современного города. В цифровом городе границы между социальным и символическим не просто размываются, но становятся гибкими и подвижными, что создает принципиально новую среду взаимодействия. Такое отличие важно учитывать при анализе современных городских трансформаций.

Кроме того, И.А. Савченко поднимает чрезвычайно интересные вопросы, связанные с понятием «устойчивой неопределенности» городской жизни. В целом я согласен с тезисом о том, что городское пространство является ареной пересечения различных дискурсивных полей, где точки напряжения становятся неизбежными. Однако важно уточнить и развить некоторые аспекты предложенного анализа.

Прежде всего, идея устойчивой неопределенности как дихотомного понятия, сочетающего в себе элементы стабильности и хаотичности, действительно представляет собой ценный инструмент для понимания городской динамики. Городские пространства, как отмечает автор, насыщены скрытыми конфликтами и табуированными зонами, которые могут внезапно проявить себя в повседневной жизни горожанина. Данное наблюдение вполне справедливо: городская среда не только структурирует повседневные практики, но и создает условия для их непредсказуемого нарушения. Однако интерпретация таких ситуаций через категорию «дискурсивного шока» требует более детального обоснования. Например, описанные случаи – от столкновения с запретами на прогулку до неожиданного штрафа за парковку – действительно иллюстрируют точки напряжения, но стоит задать вопрос: всегда ли такие ситуации являются следствием дискурсивных противоречий? В некоторых случаях они могут быть вызваны не столько пересечением дискурсивных полей, сколько банальными административными ошибками или недостатками городской инфраструктуры. Таким образом, не всякая ситуация неопределенности в городе имеет дискурсивную природу, и важно учитывать это при анализе.

И.А. Савченко поднимает вопрос о роли эпистемологической урбанистики в исследовании города как когнитивного и коммуникативного пространства. Связь трансструктурного подхода с анализом города в четырехмерной системе координат – пространства-времени и коммуникации-знания – заслуживает внимания, поскольку предлагает концептуальные рамки для более глубокого понимания городской динамики.

И.А. Савченко убедительно показывает, что идея «права на свой город» имеет эпистемологическую природу и должна быть приоритетной как для

научных исследований, так и для практики городского управления. Концепт интеллектуального ресурса действительно открывает новые перспективы для анализа городов как пространств не только материального, но и когнитивного производства. Однако утверждение, что «город без университета» или «город без науки» не является городом в полном смысле слова, кажется несколько категоричным. Хотя университеты и научные институты играют ключевую роль в формировании интеллектуального ресурса города, их отсутствие не обязательно лишает город его сущностных характеристик. Город может быть местом интенсивного культурного обмена, креативного производства и социальной инновации даже без институционализированной науки. Более того, такие города могут демонстрировать альтернативные формы интеллектуального ресурса, основанные на локальных традициях, ремеслах или неформальных сетях знаний.

Аргументированная И.А. Савченко идея города как проекта, создаваемого в когнитивно-коммуникативной системе координат, действительно интересна, особенно на фоне «больших вызовов» цифровизации и глобализации. И.А. Савченко справедливо отмечает, что открытая интеллектуальная среда стимулирует творческую активность горожан и формирует новые формы социального участия. Однако здесь важно учитывать, что доступ к такой среде далеко не всегда равномерно распределен. Социальное неравенство, цифровой разрыв и ограничение доступа к образовательным ресурсам могут существенно снизить потенциал интеллектуальной среды города. В этом смысле, эпистемологическая урбанистика должна не только анализировать существующие когнитивные сети, но и предлагать механизмы их демократизации и инклюзивности.

Я также нахожу убедительной мысль о том, что дискурсивная аналитика города пульсирует в четырехмерных координатах. Тем не менее возникает вопрос: насколько трансструктурный подход способен учитывать локальные специфики городов? Глобальные мегаполисы с их сложными системами взаимодействий действительно могут быть описаны через такие универсальные категории. Однако менее масштабные или структурно однородные города требуют других аналитических рамок. Трансструктурный метод рискует стать слишком абстрактным, если он не будет адаптирован к конкретным условиям каждого города. В конечном итоге право на свой город действительно может стать основой для формирования новых форм социального активизма и интеллектуального развития, но только, если оно будет подкреплено конкретными механизмами реализации.

В заключение следует отметить, что статья Ирины Савченко вносит существенную лепту в развитие эпистемологической урбанистики, предлагая концептуальные рамки для анализа города как когнитивного и коммуникативного пространства. Авторская идея о необходимости осмысления города через трансструктурный подход, основанный на четырехмерной системе координат пространства-времени и коммуникации-знания, открывает перспективы для глубокого понимания городской динамики. Однако универсальность предложенного метода требует критического осмысления в контексте локальных специфических условий и социально-экономических реалий. Несмотря на теоретическую ценность дискурсивного подхода, его практическая реализация должна учитывать вызовы социальной инклюзии и доступности

интеллектуальных ресурсов, что особенно важно для формирования устойчивых и справедливых городских сообществ. Исследование И.А. Савченко открывает перспективы дальнейшего междисциплинарного диалога и эмпирической проверки предложенных теоретических моделей.

Список источников

1. Савченко И.А. Вектор Штера: знание в координатах города // Эпистемология и философия науки. 2023. Т. 60, № 4. С. 173–189.
2. Савченко И.А. Ретровизуальный метод концептуализации новизны в дискурсе города // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2024. № 3 (41). С. 138–164.
3. Широкалова Г.С., Савченко И.А. Городские исследования в фокусе социогуманитарной аналитики // Социологические исследования. 2023. № 11. С. 139–140.

References

1. Savchenko, I.A. (2023) Vektor Shtera: znanie v koordinatakh goroda [The Shter's Vector: Knowledge in the Coordinates of the City]. *Epistemologiya i filosofiya nauki*. 60(4). pp. 173–189.
2. Savchenko, I.A. (2024) Retrovizual'nyy metod kontseptualizatsii novizny v diskurse goroda [Retrovisual Method of Conceptualizing Novelty in Urban Discourse]. *Praksema. Problemy vizual'noy semiotiki*. 3(41). pp. 138–164.
3. Shirokalova, G.S. & Savchenko, I.A. (2023) Gorodskie issledovaniya v fokuse sotsiogumanitarnoy analitiki [Urban Research in the Focus of Socio-Humanitarian Analytics]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 11. pp. 139–140.

Сведения об авторе:

Кузьмин В.Д. – младший научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Институт социологии (Москва, Россия). E-mail: nothingtohave88@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Kuzmin V.D. – junior research fellow at the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: nothingtohave88@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.04.2025;
одобрена после рецензирования 02.06.2025; принята к публикации 30.06.2025
The article was submitted 20.04.2025;
approved after reviewing 02.06.2025; accepted for publication 30.06.2025*